

— Что это ты так вырядилась?!

Маруся приткнула чашку на блюде и оглядела себя. Она всегда немного терялась, когда отец принимался разговаривать с ней грозным голосом. Он то и дело принимался, а она то и дело терялась!..

— А что такое? — спросила она осторожно.

— Да ничего! — сказал отец и раздул ноздри. — Это современная мода такая, голышом ходить?!

— Пап, у тебя бок болит, что ли?

Он налил себе чаю, уселся и нацелил на дочь цепкий «полковничий» взгляд. Маруся знала — когда он смотрит «полковничьим» взглядом, добра не жди. Значит, и бок болит, и ночь не спал, и настроение ужасное, и она во всём виновата!..

Маруся и современная мода.

— Ты же взрослый человек, — продолжал отец. — Ты же не кто-нибудь!.. Ты французскому языку студентов обучаешь! А одеваешься, как... как будто...

Она тихонько и коротко вздохнула.

— Как будто ты в стриптизе работаешь, а не в университете!

— А... тебе что не нравится? Верх или низ?

— Ничего мне не нравится! Где тут верх, где низ?! Одно голое тело кругом! Марш переодеваться!

— Пап...

— Ты меня услышала?

Ах ты, боже мой. Это его любимое выражение с самого Марусиного детства, не сулившее ничего хорошего! «Моя дочь будет заниматься музыкой, ты меня услышала?» — и Маруся тащилась на сольфеджио и хор, хотя ни слуха, ни голоса у неё не было. «В этой четверти должны быть пятёрки не только по основным предметам, но и по физкультуре! Моя дочь не может быть размазнёй! Ты меня услышала?» — и Маруся, обливаясь слезами и в кровь обдирая ладони, съезжала по канату и грохалась попой на

жѣсткий пыльный мат и лезла снова. «В этом году мы проводим отпуск с моими сослуживцами. Они идут на байдарках по Чае. Моя дочь должна с пользой проводить каникулы! Ты меня услышала?» — и Маруся, вместо того чтоб валяться в гамаке у тѣти на участке, тащила на художочных плечах пудовый рюкзачище и до мяса стирала ноги туристскими ботинками.

— Твоѣ дело такое — слушать отца, — говорила тѣтя, когда Маруся ей жаловалась на свою трудную судьбу. — Он тебя один вырастил, всю жизнь на тебя положил! Ты его надежда и опора, так что будь добра!..

С тех пор прошло много лет, Маруся давно выросла и перестала жаловаться, и поняла, что ничего и никогда не изменится, но этот вопрос — «Ты меня услышала?» — по-прежнему вызывал в ней тоску и ужас.

— Я переоденусь, — сказала она. — Ты не расстраивайся. Если у тебя бок болит, выпей таблетку, там с левой стороны в ящике, знаешь?.. И я тебе сейчас кашу сварю.

Отец посопел носом над чаем, пожал плечами, покосился на неё — и полез за лекарством. Так и есть!.. Всю ночь промаялся, вот теперь всё не слава богу и она виновата.

— Куда собралась-то?

— А?.. Вот вода, запей. В планетарий, пап. Гриша сейчас должен зайти.

Сергей Витальевич дёрнул головой и сделал движение горлом, чтобы таблетка с гарантией проскочила куда следует, и сказал примирительно:

— Планетарий — это хорошо. Это полезно. Вот правильно придумала, Маруся.

На самом деле дурацкий планетарий придумал Гриша, а вовсе не она!.. Гриша сказал, что нужно пойти, там сегодня какая-то лекция. Он ехал мимо на троллейбусе, видел объявление. Пойдём вместе, сказал Гриша, сначала на лекцию, а потом кофе где-нибудь попьём!..

...Собственно, в кофе было всё дело. Летним воскресным днём в планетарий Марусю не очень тянуло, а вот кофе... «Попить кофе» — словосочетание совершенно магическое для любой современ-

ной девушки. Есть в нём что-то очень правильное и красивое, как из глянцевого журнала. Подругу Дашу кавалер то и дело приглашал «попить кофе», и она каждый раз рассказывала, как это было, выкладывала фотографии кофе, булочки и кавалера в Инстаграм, собирала «лайки» и «комменты», «делилась с друзьями». Ведь это очень, очень важно — обсудить с наибольшим количеством посторонних людей свой кофе, свою булку и своего кавалера!

Даша учила Марусю жизни несколько... свысока, хоть и значилась её лучшей подругой. Даша, конечно, достигла значительно больших успехов: у неё есть кавалер, вполне постоянный и «надёжный», вот-вот сделает предложение — тьфу-тьфу-тьфу!.. Вся кафедра французского в университете с нетерпением ожидает предложения и назначения даты свадьбы. Мария Никитична то и дело заговаривает о том, что платье на свадьбу нужно шить, а не покупать готовое. Марусе до таких успехов далеко-далёко. У неё только Гриша, а какой из него... кавалер? Так, друг детства, сосед по даче,

скромный инженеришка из ЦАГИ, двадцать восемь тысяч рублей плюс премии. Даже в смысле кофе не разгуляешься! Хорошо хоть в планетарий ему понадобилось, а то бы ещё месяц не пошли, и нечего выложить в Инстаграм!

Совершенно нечего и некого.

Поставив кашу на огонь, Маруся потащилась переодеваться. Ничего не подделаешь — папа сказал, и она его услышала. Что бы такое надеть, а?.. Она стащила джинсы — новые, ещё не надёванные, с совершенно целомудренными дырками, — положила их на кровать и даже погладила. Так они ей нравились!.. В таких джинсах не стыдно пойти «на кофе» в самое гламурное и модное место, и вообще куда угодно пойти! Маруся купила их, подкопив денег от учеников, в самом дорогом и центральном московском магазине, а папе ничего не сказала!.. Так и знала, что ничего хорошего не выйдет. И маечку сняла — лёгонькую, шёлковую, на бретельках, — и пристроила её так, чтоб на кровати получился комплект. И немного полюбовалась — красиво и очень по-летнему.

— Марина! — закричал из кухни отец. — Где ты застряла! Тут сейчас всё убежит!

Маруся ахнула, кое-как нацепила халат и помчалась спасать кашу.

— Ты что? Ещё не переоделась? Таких неорганизованных тетёх свет не видывал! Я бы уж пять раз собрался! В армии на сборы даётся...

Всё, что касалось армии, Маруся пропустила мимо ушей. Она мешала кашу и прикидывала, чем заменить джинсы с мамочкой. Вариантов немного. Есть сарафан, но он старый и вообще ничего интересного. Юбка есть, но они за учебный год надоели хуже горькой редьки, эти юбки!.. Ещё есть платишко, но его ещё осенью нужно было в химчистку сдать, а Маруся позабыла...

В дверь позвонили.

Маруся бросила ложку и ринулась в свою комнату. Это наверняка Гриша, а она в халате!

Торопливо натягивая сарафан — старый и вообще ничего интересного, — Маруся прислушивалась к голосам на кухне. Отец что-то басил внушительно и длин-

но, а Гриша отвечал потоньше и покороче. Интересно, а кашу она выключила?.. Или сейчас придётся отчищать плиту?

— Па-ап! Выключи кашу!

— Маруська, привет!

— Привет! Пап, каша!..

— Что — каша? Я её уже ем!

Маруся вытащила хвост, попавший под сарафан, посмотрелась в зеркало, вздохнула и пошла на кухню.

— Только не поздно, — предупредил отец, когда она показалась на пороге. — Завтра рабочий день.

— У меня скоро отпуск, пап.

— Какая разница?! Дисциплина есть дисциплина! Отпуск пройдёт не заметишь как, а потом что? Потом себя организовать в сто раз труднее.

— Мы недолго, Сергей Витальевич!

— Ну-ну.

На улице было свежо, и Маруся пожалела, что не взяла с собой кофту. Гриша потянул её за ремень сумки:

— Давай.

Была у него такая манера, очень Марусю раздражавшая, — он всё время порывался нести её дамскую сумку. Сто раз

говорила: не нужно, я сама!.. Мужчина с дамской сумкой на плече выглядит... как бы это сказать... нелепо и странно, и уж совсем не сексуально!.. Впрочем, и без сумки Гриша выглядел... нда, так себе, особенно в смысле сексуальности.

В Инстаграм не выложишь. «Лайков» не получишь.

— Да не нужно, Гришка, я сама! Она, видишь, маленькая совсем. У меня в выходные всегда лёгкая сумка!..

— А как же? Мужчина должен нести сумки! Мне бабушка в детстве весь мозг вынесла сумками этими.

— Это когда они тяжёлые. А у меня лёгкая.

Гриша с сомнением посмотрел на её розовую сумочку.

— Ты мне лучше скажи, — торопливо предложила Маруся, — что там, в этом планетарии?.. Зачем мы туда идём?

Друг детства неожиданно развеселился:

— Там лекция про инопланетные цивилизации. А я люблю всякую подобную ахинею!

— Какую ахинею ты любишь?

— Ну вот всякое такое — про цивилизации, про народы майя. Про круги на полях тоже хорошо! Никогда не видела в Интернете? Поле, и вдруг ночью на нём появляются загадочные круги!.. И все носятся: комбайнёры, трактористы, пастухи и разные жулики от науки — и проверяют, в какую сторону пригнуты колосья. И из этого делают всякие выводы.

— И что?

— Да ничего, смешно просто.

— А-а, — протянула Маруся.

Гриша поправил на носу очки. Брился он, видимо, наспех или думал во время бритья про инопланетные цивилизации, потому что на щеке у него остался порез, на шее — островки волос, а там, где было побрито, кожа красная, раздражённая. Маруся вздохнула и отвернулась.

...Зато после лекции они пойдут кофе пить!.. И может быть, удастся съесть что-нибудь вкусное. Марусе очень надоело каждый день готовить, почему-то получалось всё время одно и то же: котлеты, ■ фаршированный перец, куриная грудка в

соусе, и всё сначала. И она стала придумывать, что именно закажет в кафе.

Ну, во-первых, мохито. Так вкусно ей всегда было пить из высокого стакана ледяной, немного острый мятный коктейль!.. Как будто она на море! Море представлялось в мечтах очень отчетливо — огромное, зелёное, почти белое у горизонта, и ветер, и тёплый песок, и много неба, и она сама в драных джинсах и маечке, такая красивая и загорелая на полосатом шезлонге, рядом в песке стакан с ледяным мохито и книжка страницами вниз, тёмные очки задраны на лоб, а она смотрит на море и не слушает, что именно говорит её безупречный во всех отношениях кавалер. Кавалер в мечтах никак не представлялся, туманное пятно, но понятно, что внутри пятна нечто совершенное.

Во-вторых, она закажет салат «Цезарь». Это тоже очень вкусно, если всё приготовлено правильно и сухарики поджарены только что, а не неделю назад. А уж потом...

— Марина?

Маруся с трудом оторвалась от воображаемого меню и оглянулась.

Он подходил к ним, обозначаясь как будто из туманного пятна, что было в её мечтах. Безупречный во всех отношениях!..

— Привет, Антон.

Гриша вопросительно заглянул ей в лицо, по-птичьи наклонив голову.

— Это Антон, он тоже у нас преподает, только на юридическом отделении. А это Гриша, мой друг.

— Здравствуйте, здравствуйте, — выговорил Антон таким тоном, что положение Гриши, так сказать, определилось раз и навсегда, и небрежно протянул в его сторону руку. Тот не сразу, но всё же руку поймал и пожал.

— Гуляешь, Маруся?

— Да, — сказала она, словно говорила: нет, что ты, как ты мог подумать, что я гуляю, я иду по делу вот с этим человеком, который не имеет ко мне никакого отношения.

— А я на роликах катался. Во-он там! — И Антон махнул рукой в сторону парка, откуда на проспект доносилась

весёлая музыка. — С самого утра. Ты не катаешься?

— Нет, — сказала она, словно говорила: конечно, катаюсь, странно, что ты спросил, ведь это моё любимое занятие, я катаюсь с самого детства, и прыгаю, и делаю кульбиты и сальто, посмотри мой Инстаграм!..

— Мы в планетарий идём, — вступил Гриша. — Там лекция.

Маруся зыркнула на него, словно он сказал нечто неприличное. Антон засмеялся.

— В планетарий?! Чудо какое! Я с вами.

Гриша опять заглянул Марусе в лицо, будто в щёку клюнул, и вроде бы пригласил:

— Ну... пожалуйста.

— Я был в планетарии один раз в жизни! В шестом классе. Нет, в пятом! В шестом мы уже в Америку уехали!..

— Там сегодня лекция, — буркнул Гриша, задетый упоминанием Америки. Да и вообще этот тип ему некстати! Он собирался вовсе повеселиться с Марусей в планетарии, а потом, может, он бы её

пригласил в Кинотеатр повторного фильма вместо кафе. Что там в кафе?.. Скучно и народу полно, а в кино сегодня французская мелодрама Робера Вернэ, стоящая штука.

— Там было звёздное небо! И оно вращалось! Вот это был класс! Я же нормальные игровые компьютеры только в Америке увидел, а там небо вращалось! А вы кем работаете, Вася?

— Гриша. Григорий.

Антон улыбнулся и пожал плечами — какая, мол, разница!..

— Я инженер. А вы?

Маруся покраснела — как неловко! Ведь она же сказала, что Антон — юрист, в университете лекции читает!.. Впрочем, Антон вопроса и не услышал. Он поправил на широких прямых плечах рюкзак, подмигнул Марусе, как сообщнице, и пошёл с ней рядом, оставив Гришу несколько позади.

...Всё правильно. При чём тут Гриша? Он тут абсолютно ни при чём!..

Маруся быстро и коротко вздохнула.

— Ну что? Ты вроде бы в приёмной комиссии собиралась работать?

— Приём закончился, Антон! Я до первого числа работала, а теперь мы дела оформляем.

— Кого набрали? Опять одних дебилов?

Маруся немного обиделась. Университет был «старой школы», очень гордился своими выпускниками, из которых выходили и лингвисты, и филологи, и военные переводчики, попасть в него нелегко — конкурс огромный, и всегда был огромным, и при советской власти, и в самые трудные времена.

Отец говорил про эти самые времена — смутные; сама Маруся никакой смуты не помнила, конечно. А папа часто горевал, что страна тогда развалилась, и армия развалилась, и ему, кадровому офицеру, пришлось искать себе какую-то другую, вовсе неподходящую работу. Маруся считала: тогда-то у него характер и испортился. А тётя считала: у него просто превосходный характер — был и остался!..

— Ни за что бы не стал в приёмной комиссии работать, — продолжал Антон весело, не заметив Марусиной обиды за

университет. — Лето и так короткое, а тут месяц из жизни вычеркнуть!..

За работу в приёмной комиссии доплачивали очень прилично, вот Маруся и согласилась!.. Но не признаваться же в этом Антону.

— Я уже в отпуск съездил разок и ещё поеду. Ты была в отпуске, Марина?

Она отрицательно покачала головой.

— А я в Италии был. В Риме, а потом в Милане. Ты была в Риме?

Маруся посмотрела на него.

— Съезди, — посоветовал Антон. — Такая красота!.. Свобода, теплынь! А еда какая вкусная! Итальянская еда — самая вкусная в мире. И кофе! На площади Навона. Только днём там не высидишь, жарко. А через две недели в Грецию лечу, на море. Я без моря жить не могу. Без моря и без кофе!..

— Мы пришли, — сзади сказал Гриша. — Ребят, вы слышите?

Маруся и Антон оглянулись. Отставший Гриша рукой показывал куда-то направо, они повернули и пошли направо. Пока Гриша покупал билеты, Антон рассказывал про море в Греции, а Маруся

переживала, что на ней нелепый сарафан, а не новые рваные джинсы и маечка на бретельках.

В планетарии было прохладно и на удивление людно. Странное дело, оказывается, есть какие-то особи, которые посещают планетарий — летом, в выходной!.. — и их довольно много! На стенде вывешено красочное объявление о том, что сегодня будет демонстрироваться фильм «Тайны Вселенной», а кругом непонятные штуки, про одну из них Гриша сказал, что это механическая модель Солнечной системы.

— А небо где? Которое вращалось? — спросил Антон.

— Ну что вы, небо дальше, это только первый зал.

— Тогда пошли скорей, тут ничего интересного!

— Как — ничего интересного?! — возмутился Гриша. — Вот модель марсохода. Я только не понимаю, это «Оппортюнити» или «Кьюриосити»?

— А есть разница? — не удержался Антон.

Гриша поддёрнул на носу очки и воззрился на него с изумлением:

— Огромная! Гигантская просто!.. Вот смотрите...

Прозвенели колокольчики, и чёткий голос сказал из динамика, что сейчас в кинозале начнётся фильм, просьба отключить мобильные телефоны. Из-за стендов и из высоких дверей потянулся народ.

— А нам обязательно нужно смотреть фильм? — спросил Антон. — Или мы просто звёздное небо увидим, и хватит на сегодня высшего образования?

— Мы, вообще-то, именно на фильм шли. То есть я думал, что будет лекция, а оказалось — это научно-популярный фильм, — сообщил Гриша мрачно. — Но как хотите...

Вид у него был расстроенный, и Марусе стало его жалко, хотя ещё больше было страшно, что Антон соскучится и уйдёт и всё закончится.

— Конечно, пойдём, — сказала она торопливо. — Да это, наверное, и не слишком долго.

Сверясь с билетами, они пробрались на свои места, и тут Антон довольно громко спросил, продают ли здесь попкорн, и

со всех сторон на них уставились зрители — с осуждением.

— Где ты его взяла? — шёпотом спросил Гриша, когда они уселись — Маруся посередине. — Питекантроп какой-то.

Она дёрнула плечом и покосилась на Антона, который весело возился в кресле, устраиваясь.

— Зачем мы сюда припёрлись? — спросил он у Маруси, перестав возиться. — Это же паноптикум какой-то!..

— Тише! — сказали сзади. — Сейчас кино начнётся!

Антон засмеялся.

— Расскажу на работе, не поверит никто!.. Хотя!.. — Он вытащил телефон и стал щёлкать. — Взорвём Инстаграм! А, Марин?..

Свет в зале медленно погас, и на большом вогнутом экране появились звёзды. Сначала их было не слишком много, они дрожали и мерцали, а потом стали как будто приближаться и надвигаться, и показалось, что там, внутри экрана, их миллиарды!..

— Приходилось ли вам, — выговорил отчётливый дикторский голос, — под-

няв глаза к небу, увидеть не бесконечно холодное спокойствие космоса, а нечто странное? Необъяснимое? Ужасное, но, быть может, ожидаемое?..

Маруся как зачарованная смотрела на звёзды, которые всё приближались и приближались, и их становилось всё больше.

Тут сбоку экрана появились какие-то круги.

— Эта фотография была получена группой уфологов — специалистов по внеземным цивилизациям — несколько дней назад. Неоспоримое доказательство существования высокоразвитой инопланетной расы.

— Какое же это доказательство?! — изумился Гриша довольно громко.

Сзади его взяли за плечо:

— Вам неинтересно — не смотрите. А нам не мешайте.

Гриша нетерпеливо кивнул и подался вперёд, но досмотреть загадочный фильм им было не суждено. Круги на экране становились всё отчётливей, и в них уже можно было рассмотреть какие-то объекты, когда вдруг откуда-то из середины зала раздался даже не крик, а вопль:

— Спасайтесь! Бегите!

Маруся уронила розовую сумочку. Антон проглотил жвачку и закашлялся, а Гриша обернулся и вскочил. Какой-то всклокоченный мужчина позади них голосил, указывая дрожащей рукой на экран:

— Это не просто пришельцы!.. Вселенский заговор!.. Началось!..

— Эти объекты были зафиксированы Тибетской обсерваторией в начале зимы. Расстояние до них составляет примерно семьдесят парсеков, — доносилось с экрана, — то есть примерно три целых одна десятая на десять в тринадцатой степени километров...

— Бегите!.. В горы, к воде!.. Это гибель!!! — И мужик вцепился себе в волосы, словно собираясь их вырвать.

В зале волновались и пошумливали, фильм никто не смотрел.

— С ума, что ли, сошёл?.. А где охрана? Есть здесь охрана? Да выведите его кто-нибудь! Психовозку надо вызывать! — Уже кто-то коротко хохотнул, и какая-то мамаша за руку потянула испуганного ребёнка к выходу.

— Так положено, да? — осведомился Антон. Ему было весело. — Это часть представления?

Маруся всё тарасилась на кричавшего. Гриша, перелезая через свободные кресла, пробрался к безумцу и твёрдо взял его под локоть. Маруся втянула голову в плечи, нашарила сумку, поднялась и быстро пошла к выходу. Она очень боялась скандалов, особенно публичных, так, что почти не могла себя контролировать. Ей было лет девять, когда отец за что-то громко накричал на неё на улице. Она потом никогда не могла вспомнить, за что именно, но собственное чувство страха и позора, какого-то окончательного, полного позора, не забывалось даже много лет спустя. Отец орал на неё и топал ногами, прохожие останавливались, глазели и спрашивали у него и друг у друга, в чём дело, старушки сочувствовали, мужчины поддакивали, а Маруся была в самом центре скандала, как будто её голую пороли на площади, а толпа глазела!..

Она выскочила в светлый просторный и пустой холл перед зрительным залом и перевела дыхание.

Всё в порядке. Она спаслась.

Скандал не имеет к ней никакого отношения.

Маруся открыла сумку — руки немного дрожали, — достала бумажный платочек и зачем-то промокнула совершенно сухой лоб.

Высокая дверь отворилась, в тёмном проёме появился Гриша и ещё какой-то тип. Вдвоём они волокли упиравшегося буяна. Маруся скомкала бумажку и шмыгнула за колонну.

— Вы не понимаете, — громко говорил человек, поминутно оглядываясь на зал. Глаза у него были безумные и рот двигался как будто сам по себе. — Оставьте меня! Вы не понимаете, что делаете!.. Это мои вычисления! Это мой график!.. Я всё предсказал, но не предполагал, что они так близко!

— Вы не шумите, — сказал Гриша совершенно спокойно. — Детей перепугали!..

— Каких детей?! Все погибнут, все!.. Человечество обречено!..

— Юрий Фёдорович, не волнуйтесь, — заговорил второй незнакомец, и Марусю

поразило, что кто-то называет сумасшедшего по имени-отчеству! — Мы успеем.

— Поздно, — как-то очень горько сказал буйный Юрий Фёдорович и словно обмяк. — Так я и знал.

Гриша поправил на носу очки и сбоку посмотрел на этих двоих.

— Юрий Фёдорович учёный, уфолог, — сказал второй незнакомец с укором, словно Гриша не узнал родного дядю, — автор многих открытий. Именно его радиотелескоп засёк появление на небесном своде тех объектов.

— Корабли вторжения, — вставил Юрий Фёдорович как ни в чём не бывало. Он совершенно пришёл в себя и выглядел теперь как обычный человек — никакого безумия.

— А фильм, — продолжал второй, — просто воровство!.. У человека украли открытие!

— Да это теперь неважно, Игнат! — перебил превратившийся в совершенно нормального человека Юрий Фёдорович. — Мы с товарищем вместе работаем, он в курсе проблемы! Игнат, дай ему наши визитки.

Второй полез во внутренний карман пиджака, извлёк два картонных прямоугольника и протянул Грише. Тот покопался с некоторым недоверием, но взял.

— Вот-вот начнётся, а я не успел предупредить! Все выводы, которые он делает, — враньё! Он сам не понимает, чем это закончится!

— Кто, кто не понимает? — перебил Гриша с любопытством.

— Воскресенский, — сказал Юрий Фёдорович с досадой. — Ну, автор этого фильма! Украл и украл, какая разница! Но выводы!..

Высокие двери вновь отворились, и, щурясь, на свет выскочил Антон. Лицо у него было очень весёлое.

— Слушайте, ролик у меня получился — зашибись!.. Я всё снял с начала до конца и у себя на «стене» выложил!.. Двое уже репостнули, а дальше вообще понесётся...

Тут он увидел Юрия Фёдоровича, его напарника и Гришу и остановился:

— Как?! Ещё не конец?!

— В том-то и дело, что конец, юноша, — сказал Юрий Фёдорович совер-

шенно серьёзно. — Я опоздал. У человечества больше нет ни единого шанса. Игнат, мы должны идти.

Антон выхватил из кармана телефон, наставил на оратора и выдохнул с восторгом:

— Ну, дальше, дальше!.. Говорите, что вы замолчали?!

Юрий Фёдорович заговорил.

Гриша какое-то время слушал внимательно, потом заморгал, заоглядывался по сторонам, увидел Марусю и пошёл к ней за колонну.

— Ну что? — спросила она тихо.

Гриша пожал плечами:

— Сумасшедшие какие-то. А этот твой юрист зачем его снимает? Это такой прикол, да?

Маруся кивнула. До них доносились только обрывки фраз: «Смещение... годичный паралакс... Биокинетика — суть наука о... Эф-тэ-эль прыжок... Плюмбум, то есть медь...»

— Плюмбум, — себе под нос сказал Гриша, — это свинец, а не медь. — Помолчал, прислушиваясь, и безнадёжно махнул рукой. — Пошли, Маруся. Хо-

тел я повеселить тебя сегодня, и ничего из этого не вышло!..

— Ты меня повеселил, — от души сказала Маруся, но Гриша никакой иронии не заметил.

— За такие вещи можно убить! — возвысил голос уфолог Юрий Фёдорович, и они оглянулись. — Помяните моё слово, ещё до вторжения с ним будет покончено!

— С кем? — уточнил Антон, не отрываясь от телефона. Он всё снимал.

— С Воскресенским, с кем же ещё?! Ведь это он... предал человечество.

— Понятно, понятно, — подбадривал его Антон, гримасничая. — Продолжайте! В прямом эфире репортаж о грядущей гибели человечества и предстоящем убийстве!.. Мы знаем, что если убийство объявлено, то оно должно произойти! Кто будет убийцей? Вы?

— Мне уже незачем, — величественно отвечал Юрий Фёдорович. — Я сделал всё, что мог, но опоздал. И спросите сами этого Иуду, почему он украл моё открытие и почему решил погубить нашу цивилизацию. Вот на этой фотографии...

— Слушай, чего он делает, этот твой юрист?! Зачем он его снимает?!

Маруся пожала плечами и сказала мрачно, что снимает, должно быть, для того, чтобы выложить у себя в Инстаграме.

— Зачем?! — не унимался Гриша.

— Ну, как зачем, Гриш!.. Затем, что это... весело!

— Что весело?! Речи какого-то ненормального о гибели Вселенной — весело?!

— Да ты не понимаешь! — Она коротко вздохнула. Лучше бы сразу в кафе пошли. Хотя тогда Антона бы не встретили, а некоторая надежда пойти в кафе с Антоном ещё сохранялась. — В Интернете полно всяких приколов. Ты что, не в курсе?.. Если прикол всем понравится, можно стать знаменитым... за один день! Все будут смотреть твоё видео, каждый у себя репостить, и ты прославишься.

— За счёт сумасшедшего прославишься?.. — уточнил Гриша. — То есть как человек, который снял на видео какого-то придурка?.. Зачем она нужна, такая слава?

— Гриш, ты ничего не понимаешь, — возразила Маруся с досадой. — В вашем

научном институте, может, так не принято, а во всём мире принято!.. Для этого специально социальные сети изобрели! Ты ничего про это не слышал?..

— Для чего — для этого? Чтоб придурков показывать?..

Антон выключил камеру в телефоне, покровительственно похлопал Юрия Фёдоровича по плечу, пожал руку его спутнику и быстро пошёл в сторону Маруси и Гриши. Захотел он только за колонной.

— Ну что, ребята?! Звёздное небо смотреть, и всё, на воздух!.. Хотя развлечение первоклассное! Сейчас выложу у себя, только назвать надо как-то звучно!.. «Вселенная на краю гибели», что ли?.. Или нет, нет, «Смерть близка!» Хэштэг #марсатакует! Сразу в топ!

Гриша поправил очки и сбоку, потишь, посмотрел на Антона.

Ничего особенного не произошло, — Маруся строго спросила себя, произошло или нет, и получилось, что нет, — но почему-то ей было стыдно.

За высокими дверьми кинозала твёрдый голос продолжал рассказывать — по всей видимости, о гибели Вселенной,